

мейсенский фарфор стал приносить доходы, вполне сопоставимые с теми, о коих мечтали искатели философского камня.

Пример Беттгера показателен во многих отношениях: далеко выходя за хронологические рамки Средних веков, он служит убедительным доказательством живучести алхимии. Подобно Беттгеру, многие средневековые алхимики, не располагавшие собственными средствами, стремились заручиться поддержкой какого-нибудь знатного и могущественного господина и попадали из огня да в полымя: освободившись от тисков нужды, они оказывались в беспощадных клещах нового господина. Способ превращать в золото простые металлы так и оставался недостижимым (нет убедительных доказательств существования «философского» золота), и разгневанный благодетель вымещал свою злость на неудачливом алхимике. Беттгеру несказанно повезло, а многие его злополучные собратья (не счесть числа им...) закончили свои дни на виселице, да не простой, а ради вящего позора позолоченной сусальным золотом - вот куда вело алхимическое златоискательство.

Незадачливого алхимика-суфлера доводила до виселицы его неутолимая жажда золота. Все священное искусство Гермеса Трижды Величайшего для него сводилось к банальной попытке получения рукотворного благородного металла - и ничего более ему не требовалось. Впрочем, и его влиятельные покровители тоже ничего иного не ждали от него. Напротив, «герметические философы», как называли себя настоящие алхимики-адепты, гнушались подобными работами, предаваясь поискам философского камня не из жадности, а из любви к искусству. При этом они руководствовались специальными теориями, которые не позволяли им выходить за пределы, освященные традицией. От алхимика-суфлера более уважаемый алхимик-адепт (якобы преуспевший в таинстве Великого Делания, получивший вожденный философский камень, убедительных доказательств чего, как уже говорилось, не существует) отличался, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, он умел хранить тайну герметического искусства, не склонен был рассуждать о нем с кем попало. Надлежало сперва удостовериться, что имеешь дело с посвященным, а уж потом открываться ему. Как осторожно Николая Фламель, самый знаменитый, по мнению С. Ютена, средневековый алхимик, искал человека, который мог бы растолковать ему таинственный смысл чудесным образом попавшей к нему в руки «Книги Авраама Еврея»! Хотя в Средние века и существовали многочисленные алхимические трактаты, непосвященный, думавший лишь о легком способе разбогатеть, не мог без посторонней помощи разобраться в них. Во-вторых, алхимик-адепт смотрел на свое искусство шире, не ограничивая себя исключительно поисками способа изготовления золота, хотя и оно отнюдь не было чуждо ему (алхимии сны золотые...). Эта широта взгляда находила свое выражение и в тех определениях, которые «герметические философы» давали алхимии.